

Кондрашин о Мяковском:...

К этому году [1938] относится мое знакомство с Мяковским. Надо сказать, что начиная примерно с двадцатых годов, Мяковский был музыкальной совестью Москвы. Знакомство мое с ним состоялось так. Я дирижировал Третью сюиту Чайковского. Это сочинение, видимо, удалось мне, поскольку после концерта ко мне пришел Мяковский, который сидел обычно в шестом ряду БЗК. (Там всегда было забронировано для него два места. Он покупал билеты и ни в коем случае не брал контрамарки.) Николай Яковлевич сказал: «Милый мой, так все было хорошо... Но вы меня расстроили темпом полонеза. Разве можно шагать под такой быстрый темп и деликатно вместе с тем...» Он мне напомнил Пастернака, который в такой же манере критиковал игру Гроссмана. Я тогда ответил: «Николай Яковлевич, мне так приятно познакомиться с вами, нельзя ли когда-нибудь вас посетить?» — Пожалуйста, звоните, заходите».

К тому времени Жиляева уже не было. Я жил в Ленинграде и, когда приезжал в Москву, я всегда ходил к Мяковскому. Прежде всего я консультировался по поводу его сочинений. Тогда я дирижировал его Шестую и Пятнадцатую симфонии в Ленинградском радиокомитете. Но когда я к нему приходил, мы каждый раз садились и играли в четыре руки не только его музыку, но и все, что попадется. Помню, играли симфонию Франка - я на дискантах, он на басах; пианисты мы оба не ахти какие, но в общем наслаждались музыкой бескорыстно. Тогда я думал, что это в порядке вещей, а сейчас — это диковина. Кто из наших больших композиторов будет тратить свое время на то, чтобы в четыре руки играть давно знакомую музыку! Мяковский был таким... Всегда у него на столе лежала кипа оркестровых партий. Корректуру своих новых сочинений он никому не доверял, сам тщательно проверял каждую партию и исправления во все копии вносил сам. Тут же лежала какая-то новая его симфония. Он сам перекладывал ее в четыре руки, и мы с ним иногда играли те неопубликованные его произведения. И всегда бывало чаепитие. Он жил с женой, помоему, ее звали Надеждой Яковлевной (???? кто имеется в виду? — Георгий). И он сам, обязательно сам подавал пальто. Уж как я ни вертелся и как ни извивался — "нет, нет, я здесь хозяин..." Он всегда у себя дома всем своим студентам подавал пальто.

Надо сказать, что Мяковскому я очень обязан выработкой ощущения и правила - в музыке нет мелочей. Если была возможность, я с ним в чем-то консультировался и всегда поражался его эрудиции. Помню, мне в Ленинградской филармонии предстояло продирижировать "Пульчинеллу". Я первым делом бросился с партитурой к Мяковскому, чтобы он мне помог расшифровать флаголеты (в то время мы непривычны были к такому написанию) и целый ряд других деталей. Он все подробным образом объяснил, дал расшифровывающее написание и показал, на какой струне исполнять, потратил на это массу времени и потом, когда я приехал в Ленинград... Я повторяюсь...

В. Р. Вы захотели проверить на этом Соллертинского?

К. К. Да, да! Я подозревал, что Соллертинский знает о музыке больше, чем саму музыку. Я разыграл наивность, пришел к нему за консультацией, и он меня посрамил полностью, потому что он повторил мне все то, что сказал Мяковский и даже больше развил технологические детали.

Так вот, Мяковский — это человек кристальной честности. Он совершенно не был любезником. Иногда от него многие слышали очень резкие отзывы. Он был другом Прокофьева (известна их переписка сейчас), не говоря уже о тех, кто жил тогда, о его соратниках по возрасту: Глиэр, Василенко. Молодой Шостакович тоже не гнушался его консультацией. Мяковский был в курсе всех новинок, постоянно посещал все концерты в отличие, скажем, от Жиляева, который в свое время объявил бойкот всем концертам, считая, что с отъездом Шаляпина и Рахманинова концертная жизнь, искусство погибли в России; он это декларировал и потому не слушал радио и

не ходил в концерты принципиально. Мясковский же был в курсе всей концертной деятельности и в курсе всего репертуара, знал новые исполнительские имена и весьма сильно влиял на выдвижение молодых. Его отзывы были вроде неписаного закона. Всегда интересовались: «А что сказал Николай Яковлевич?» Большой частью когда я у него бывал, то бывал один, он больше никого на этот вечер не назначал. Иногда кто-то приходил, но не так, как у Жиляева, когда приходили все, кто свободен. У Мясковского было организовано так, что он посвящал вечер кому-то одному. Если я, скажем, говорил: «Нельзя ли к Вам прийти?» — «У меня тот-то, приходите завтра».

В. Р. Может быть, Вы знаете, в чем причина того, что Мясковского сейчас мало исполняют? Не связано ли это с качеством музыки?

К. К. Мясковский в этом смысле аналогичен Танееву. В какой-то степени ренессанс Танеева у нас произошел. Хотя опубликована только одна его симфония, но скрипичная сюита исполняется часто, а также антракты и увертюра к «Оресте». Опера, правда, не ставится. Но тут играют роль идеологические соображения. Ну кого волнуют античные сюжеты? Во всяком случае исполняют его романсы. Он, Танеев, не первооткрыватель, а продолжатель. Он из тех продолжателей, каким по существу являлся и Рахманинов. Но, конечно, Рахманинов гораздо более яркая индивидуальность. Танеев больше эпигон Чайковского, Мясковский — меньше. Я бы вообще не называл его эпигоном. Это — особая ветвь в русской музыке, которая получила развитие в его творчестве и перешла потом к Шебалину. И, пожалуй, потом она заглохла; может быть, в какой-то степени его ученики — Кабалевский и другие — продолжают эту линию. Здесь, очевидно, совмещение традиций с какими-то новыми гармоническими приемами. Творчество Мясковского светлеет. Он начинал очень мрачно. Но надо сказать, что такие мрачные сцены, как в Шестой симфонии, до сих пор производят грандиозное впечатление. Рядом же была светлая Пятнадцатая симфония. У него есть великолепные более поздние симфонии. Вот я очень люблю Четырнадцатую, Двадцать пятую и Шестнадцатую. Шестнадцатая симфония посвящена советской авиации, написана после перелета Чкалова. Это очень яркое сочинение, которое до сих пор меня волнует. На пластинке у меня есть и Шестая его симфония, и Шестнадцатая. Я продолжаю исполнять Мясковского. Пятую симфонию сравнительно недавно играл в Ленинграде. Это композитор, конечно, с определенным своим лицом, но не новатор. И еще: ему очень вредит непрактичная оркестровка. Его партитуры не самозвучащи, приходится что-то вытаскивать, иногда даже дописывать, потому что порою невозможно существенное показать путем баланса звучания. Но в непрофессионализме его обвинить никак нельзя... Не было чувства оркестра, и он не мыслил оркестровыми тембрами. Что касается меня, то я до сих пор являюсь поклонником его лучших произведений, и, конечно, его личность, обаяние, общение с ним не может не оставить следа.

Благодарим Георгия за предоставление этого материала.